

Отделение архитектуры Российской академии архитектуры и строительных наук, Международная академия архитектуры (отделение в Москве, МААМ) и журнал ПРОЕКТ БАЙКАЛ на площадке XXV межрегионального фестиваля ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ 5 сентября провели круглый стол «Павловский Иркутск: сохранить наследие советского модернизма». В мае 2025 года российское отделение ИКОМОС включило сохранность «павловского модернизма» в Иркутске в перечень наиболее острых и значимых проблем.

Ключевые слова: необрутализм; объекты культурного наследия; В. А. Павлов; ВООПИК; архитектура; модернизм; сохранение. /

The Architecture Department of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, the International Academy of Architecture (Moscow Branch, IAAM) and the PROJECT BAIKAL journal held a round table discussion "Pavlov's Irkutsk: Preserving the legacy of Soviet modernism" at the XXV Interregional Festival ZODCHESTVO IN SIBERIA on September 5. In May 2025, the Russian branch of ICOMOS included the preservation of "Pavlov's Modernism" in Irkutsk in the list of the most urgent and significant problems.

Keywords: neo-brutalism; cultural heritage sites; V. A. Pavlov; VOOPIK; architecture; modernism; preservation.

Павловский Иркутск: сохранить наследие советского модернизма / Pavlov's Irkutsk: Preserving the legacy of Soviet modernism

текст

Елена Григорьева
РААС
Наталья Сапрыкина
РААС (Ярославль)
Сергей Тимофеев
РААС (Нижний Новгород)
Инна Дружинина
ИРНИТУ; РААС (Иркутск)
Милена Золотарева
СПбГАСУ; РААС
Андрей Макаров
ИРНИТУ; МААМ (Иркутск)
Никита Еремин
СПбГАСУ (Санкт-Петербург)
Константин Антипин (Москва)
Александр Шарыгин
РАНХиГС; МААМ (Москва)
Руслан Хотулев
ИРО СА России (Иркутск)
Алексей Чертилов
ИРНИТУ (Иркутск)
Евгений Зыков
Сибирский федеральный университет (Красноярск)
Владимир Стегайло
МААМ (Иркутск)

text

Elena Grigoryeva
RAACS
Natalia Saprykina
RAACS (Yaroslavl)
Sergey Timofeev
RAACS (Nizhny Novgorod)
Inna Druzhinina
INRTU; RAACS (Irkutsk)
Milena Zolotareva
SPbGASU; RAACS
Andrey Makarov
INRTU; IAAM (Irkutsk)
Nikita Eremin
SPbGASU (Saint Petersburg)
Konstantin Antipin (Moscow)
Alexander Sharygin
RANEPA; IAAM (Moscow)
Ruslan Khotulev
IRO of the UAR (Irkutsk)
Alexey Chertilov
INRTU (Irkutsk)
Evgeny Zykov
Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
Vladimir Stegailo
IAAM (Irkutsk)

Громкая полемика вокруг судьбы Большого московского цирка и здания СЭВ, всколыхнувшая архитектурную общественность в начале текущего года, подняла интерес к наследию советского модернизма. В мае этого года российское отделение ИКОМОС включило сохранность «Павловского модернизма» в Иркутске в перечень наиболее острых и значимых проблем.

– В чем специфика иркутской архитектурной школы в общем ряду архитектуры советского модернизма?
– Какие успешные кейсы постановки на охрану объектов модернизма есть в стране и как этот опыт можно применить в Иркутске?

Эти и другие вопросы обсудили участники дискуссии.

Встреча за круглым столом предварила пешеходная экскурсия по объектам В. А. Павлова по девяти его объектам, расположенным в историческом центре Иркутска.

В начале встречи участники заслушали и посмотрели презентацию архитекторов научно-проектной группы кафедры истории и теории архитектуры СПбГАСУ по созданию модели утраченных частей объекта В. А. Павлова «Здание горкома и горисполкома». Затем **Милена Золотарева** и **Никита Еремин** продемонстрировали еще одну работу научно-проектной группы по созданию модели еще одного утраченного объекта В. А. Павлова «Дом рыбака и охотника» с предложением по его воссозданию.

Милена Золотарева Работа выполнялась совместно с ИРО Союза архитекторов в течение 2 лет.

Здание администрации Иркутской области спроектировано специально для конкретного места, мы доказали это научными методами. В строительстве Дома рыбака (Дом приемов обкома) Владимир Азаревич не отступает от своих творческих принципов и в другом материале – в дереве. Используя бревно нестандартного размера, он добивается особого эффекта; его можно отнести к направлению «деревянный брутализм». Третий объект – проект Монгольского консульства.

Никита Еремин Дом рыбака. Дерево требует, как уверены специалисты Иркутска и Санкт-Петербурга, непосредственной работы с макетом – от карандаша и эскиза к макету. Это позволяет почувствовать руками и столярным инструментом все узлы и соединения. Делалась полная аналитическая модель в компьютерной программе. Основная проблема – отсутствие масштабного ориентира. Взяли за основу модуль круглого бревна. Материалы, предоставленные В. Б. Стегайло, сделали возможным с помощью сходящихся прямых («метод архитектора») вернуть перспективные проекции или их подобия. Были выполнены план, экспликация, конструкция, разрезы и визуализация объекта. К сожалению, отсутствие генплана затруднило работу, но мы восстановили реальное положение здания в среде, постарались соблюсти дух места. Сегодня оно, к сожалению, застроено недружественной архитектурой; восстановление Дома на прежнем месте уже невозможно.

Елена Григорьева Откликаясь на презентацию, сразу даю предложение. Идея воссоздать Дом рыбака и охотника на территории Музея под открытым небом в Тальцах возникла совсем недавно в связи с обсуждением развития Тальцов, в частности, с идеей воссоздать городскую зону и перенести часть городских, наиболее ценных деревянных строений из Иркутска в Тальцы. Зачем? Мне кажется, здесь надо вносить изменения в их концепцию. Пусть деревянные дома продолжают жить в городе. Город не должен терять своей идентичности! Мы представляем, в какую очередь выстроятся застройщики в погоне за освободившимися территориями.

А вот воссоздать Дом рыбака и охотника здесь было бы в высшей степени уместно. В Тальцах даже место не надо искать: его там вполне достаточно. И Дом рыбака должен встать не вдоль улицы, а так, как он был спроектирован: достаточно уединенно, просторно, недалеко от реки. И он даже может нести именно ту функцию, для которой был создан – дом приемов, гостиница.

Александр Шарыгин Когда мы с Еленой Ивановной задумывали сегодняшнее мероприятие, базовой отправной точкой стало то, что мы от лица Международной Академии Архитектуры в конце прошлого года решили обратиться в Иркутскую службу охраны памятников с предложением признать несколько домов Владимира Азаревича Павлова объектами культурного наследия. По истечении трех

месяцев, в феврале текущего года, нам пришел отказ на это заявление без каких бы то ни было мотивированных обоснований того, почему, собственно, это было сделано. Тем не менее, Елена Ивановна предложила провести круглый стол, на котором мы попробуем снова поднять эту тему. Если мы говорим про наследие Павлова, то нужно говорить о нем не столько в контексте города Иркутска и какой-то местной, локальной проблематики, а стараться эту тему вписывать в более широкие рамки по значимости, расширять круг заинтересованных людей, которые могли бы как-то лоббировать идею увековечивания памяти, с одной стороны, сохранение его объектов – с другой и популяризации творчества Владимира Азаревича Павлова в целом.

В начале текущего года в Москве была очень большая дискуссия, связанная с тем, что столичная мэрия вышла с инициативой о сносе здания Московского цирка на проспекте Вернадского. И ближе к началу лета возникла аналогичная дискуссия относительно здания СЭВ на Новом Арбате. Два этих повода стали основным триггером, чтобы возникла широкая, очень ожесточенная дискуссия на тему того, как нам вообще относиться к наследию советского модернизма.

Эти два события, можно сказать, были неким индикатором: чаша весов склонилась в пользу того, что, действительно, советский модернизм – это культурное наследие, достойное того, чтобы к нему относились не как к объектам

строительства, которые исчерпали свою эксплуатационную мощность и должны быть заменены на более современные сооружения. Нет, это все-таки культурное наследие, и оно достойно того, чтобы сохраняться и приобретать статус памятников. Дискуссия вокруг советского модернизма в последние полгода была очень широкая, и, с моей точки зрения, наша тема с наследием Павлова очень хорошо ложится в этот контекст дискуссии о советском модернизме.

Не только мы так думаем. В конце весны, 22 мая 2025 года, была конференция ИКОМОС. Это международная организация, которая занимается охраной наследия и достопримечательными местами. На российской конференции этой организации была принята резолюция о сохранении советского модернизма. Среди многих очень известных объектов по всей стране, которые относятся к стилю советского модернизма, выделяется проблема сохранности павловского модернизма в городе Иркутске. Большинство этих объектов, в том числе наши павловские объекты, не обладают статусом объекта культурного наследия. Это проблема, и есть считанные, редкие precedents того, что дома 1970-х годов признаны объектами культурного наследия. Несмотря на то, что закон уже разрешает признавать этот период, precedents очень мало.

Я сейчас занимаюсь вопросом сохранения наследия 1970-х годов – недавно ушедшего Зураба Константиновича Церетели. И тоже вижу, что некоторые его

объекты уже получили статус ОКН (в частности, известная ленинская мозаика в Ульяновске). А объект, которым я занимаюсь в городе Сочи в Адлере, этого статуса не имеет и находится из-за этого в предельно аварийном состоянии.

Год назад студенты кафедры Глазычева РАХиГС побывали в Иркутске в рамках своей летней практики. Две группы студентов взяли тему изучения наследия Павлова и сделали исследовательские проекты. Более того, до этого еще студенты программы «Архитекторы. РФ» приезжали и тоже занимались этим вопросом. Интерес столичных учебных заведений и образовательных программ к павловскому наследию имеет место быть. Мне бы хотелось, чтобы мы действительно усилили все эти исследовательские проекты, которые делаются в масштабах страны, чтобы известность замечательного павловского наследия повышалась не только в городе Иркутске, но и по стране, чтобы люди знали этот бренд.

В прошлом году одновременно со студентами кафедры Глазычева в городе Иркутске побывал архитектурный критик Григорий Исаакович Ревзин, который по итогам своего посещения города Иркутска сделал очень большую статью в своем цикле про города России. Статья вызвала большой резонанс. В частности, здесь, в городе Иркутске, в Доме архитектора проходила дискуссия. Но важен не только тот резонанс, который вызвало его отношение к городу Иркутску, сколько то, что в каче-

стве основного, базового сюжета и драматургии статьи Григорий Исаакович избрал проблему противостояния Владимира Азаревича Павлова и Валентина Григорьевича Распутина. И поэтому, собственно, заголовок этой публикации «Город большого мифа и большой обиды Иркутск. Место победы почвеннической литературы над современной архитектурой».

Для меня очень важно то, что Григорий Исаакович попытался тоже, с одной стороны, поднять известность павловской архитектуры, а с другой – четко обозначил, что современная архитектура в городе Иркутск – это очень важный культурный компонент, туристический потенциал города, который нужно подчеркивать, показывать, знаковое культурное явление в масштабе всей страны.

Кроме того, по теме сохранения советского модернизма Григорий Исаакович недавно сделал новую публикацию, его интервью вышло буквально в конце августа. И ключевой, базовый тезис заключается в том, что у нас в советском модернизме есть известная архитектура, которая имеет широкую популярность среди обывателей, среди массовой аудитории именно как знаковые объекты того времени, и пример архитектуры качественной. В частности, творчество Павлова он охарактеризовал как одно из самых качественных проявлений стиля советского модернизма в целом, сказав, что «это был замечательный архитектор из брежневского поколения, на таланты не очень богатого».

ЕГ Когда Иркутск принимал фестиваль ЗВС – 2023, здесь состоялся круглый стол «Сибирский код», где представители всех городов славили свои города. Тогда (впрочем, как и раньше) прозвучало вполне резонно, что у Иркутска две главных архитектурных идентичности – это дерево и павловский брутализм.

К сожалению, Виталия Владимировича Соколова, руководителя службы наследия администрации Иркутской области (на момент публикации – уже в отставке. Ред.), от которого мы надеялись услышать ответы на некоторые вопросы, рекомендации по процедуре постановки на госохрану, какие-то рецепты, как нам надо заявляться, чтобы начинать ставить объекты советского модернизма в реестр, сегодня с нами нет. Он не пришел. Но Руслан Хотулов является представителем Союза архитекторов в этой непростой структуре, возглавляет общественный совет при службе наследия и, вероятно, сможет конструктивно заменить отсутствующего руководителя Службы.

Для начала хотела бы высказать свою личную позицию. Обсуждая с коллегой Андреем Макаровым первый прецедент, когда были поданы заявки на постановку на госохрану сразу нескольких жилых домов авторства В. А. Павлова, мы сочли, что начинать именно с жилых домов сложно из-за множества – десятков, а то и сотен – собственников. Может быть, стоит начать с общественных построек, которые принадлежат

муниципалитетам или конкретному юридическому лицу? Дворец культуры профсоюзов на площади Конституции в Иркутске, например. Или Дворцы культуры в Усолье-Сибирском и Шелехове. В городе Байкальске Дворец спорта с бассейном принадлежит теперь Ен+; это очень мощный собственник, ему вполне под силу привести здание в надлежащий вид. А уже после этого поставить на охрану, объявив предметом охраны, допустим, фасады. Помнится, когда мы работали на субподряде над мастер-планом Байкальска, даже представители КБ «Стрелка», не говоря уже об остальных участниках, определяли объекты Павлова – галерейные дома и Дворец спорта с бассейном – как достопримечательность, наследие, которое должно охраняться.

Руслан Хотулов Я вообще не понимаю, есть ли четкое мнение против того, чтобы признавались объекты 1970-х годов как ОКН? Мне кажется, что это на уровне оригинального мнения: часто в комментариях в интернете пишут, что надо сжечь деревянную архитектуру. Но мы сталкиваемся с тем, что владельцы квартир в деревянных домах уже сами начинают понимать ценность архитектуры этих домов. И кто-то на днях упоминал стоимость, которая выше средней по рынку. И, похоже, это не только от местоположения зависит. И к нам из ТСЖ приходят и говорят, что с фондом капремонта не могут справиться: помогите нам, чтобы те работы, которые проводятся, не искали облик здания, а приводили к тому виду, как было

изначально задумано. Потому что у них появилась потребность в том, чтобы вернуть дома в изначальное состояние; они начинают понимать, что им так лучше, как оно было изначально. Проблема охранного статуса связана и с фондом капитального ремонта: жильцы приходят к пониманию, что им нужен другой ремонт, чем в простых жилых домах. Какова процедура подачи экспертного заключения?

Алексей Чертилов Они делают свое экспертное заключение на основании закона об ОКН, раздела «Экспертиза», и своего устава, административного регламента, по которому делается внутреннее исследование документов. Специалисты дают заключение по документам и на этом основании они отказывают им или признают памятниками. Надо составлять грамотное письменное заключение, которое и будет рассматриваться специалистами по охране ОКН. Хотя мы уже подавали 18 таких заключений – и во всех случаях отказали.

Инна Дружинина представила презентацию-сопоставление ценных объектов советского модернизма России, в числе которых есть и те, которые уже включены в реестр как ОКН.

Коллеги, речь пойдет о широко известных в Иркутске и не только объектах Владимира Азаревича Павлова с целью возможного включения их в реестр памятников. Покажу несколько примеров уже внесенных в реестр памятников или претендующих на это для условного сопоставления и опреде-

ления статуса предлагаемых нами объектов. Вот известный комплекс «Лебедь» в Москве, а это (на экране жилые дома по ул. Байкальская, 5-й Армии и на Российской. – Прим. ред.) – очевидно брутальная, уникальная, самобытная, прогрессивная архитектура Владимира Азаревича. Другой известный объект – экспериментальный жилой комплекс в Северном Чертаново, для сопоставления – Дом-корабль в нашем жилом районе Солнечный. Архитектура, ее образность абсолютно неповторимы.

Еще примеры. Здания общественного назначения – тоже хорошо известные памятники, внесенные в реестр ОКН Санкт-Петербурга. А теперь предмет нашего рассмотрения – объект в Иркутске в стиле советского модернизма общежитие В. Павлова, С. Григорьева и Е. Григорьевой с абсолютно индивидуальным образом архитектуры, сопоставимый по объему, по восприятию и, кроме того, несущий свой колорит, уже ставший идентичным нашему городу. Другой объект – всем известный, конечно, Театр на Таганке (новая сцена) с его неоспоримыми ценностями. И вот наш Дом культуры профсоюзов в Иркутске и ДК «Металлург» в Шелехове со своей интеграцией в общественные пространства.

Хочу отметить: конечно, Иркутск – город, с одной стороны, избранный, поскольку ему посчастливилось, что Владимир Азаревич сюда приехал и здесь остался. С другой – это территория большого ожидания, потому что эта

архитектура требует бережного отношения как к реальным объектам культурного наследия.

ЕГ Отношение интеллигенции, просвещенной общественности значительно поменялось по сравнению с периодом конца нулевых годов. Поменялось хотя бы потому, что здесь в зале сидит лауреат премии имени Владимира Азариевича Павлова, премии Правительства Иркутской области. Есть признание государства (наименование премии), есть хотя бы частичное признание жителей города, общественности; про профессиональный цех я не говорю, Павлов в советское время был кумиром, поражались, как такой феномен мог состояться на довольно сером общем поле. И в постсоветском профессиональном архитектурном сообществе это авторитет признанный.

Так что пора, пора уже делать шаги по постановке на охрану. А пока, если, допустим, будут делать капитальные ремонты этих домов, то прикреплять грамотных консультантов. Надо двигаться. Может быть, надо вынести этот вопрос на какой-то дискуссионный клуб, где полный состав общественного совета при службе наследия будет участвовать и квалифицированно высказаться по существу.

Андрей Макаров Я все время привожу примеры из Красноярска, чем раздражают многих иркутских архитекторов. Интересная ситуация сложилась в Красноярске. Мне кажется, если область заинтересуется, опыт Красноярска можно применить в Иркутске. В соседнем

городе историческая улица Горького случилась только благодаря тому, что этим вопросом занимался губернатор и мэр. Договорились власть и крупный бизнес. Были отработаны соответствующие позиции, реконструкция улицы Горького была успешно завершена. Поэтому, если бы с этой инициативой мы вышли на иркутского губернатора, то я вижу в этом более или менее реальный способ дойти до положительного результата. Что касается жилых домов, то мы их обсуждаем не в первый раз, поскольку в отношении жилых домов мы не понимаем, сколько интересов собственников будут при этом ущемлены, по крайней мере, нужна статистика. Мы помним, какой этот был дом раньше. Видим, какой дом сейчас. Там столько квадратных метров добавилось. Стоимость одного квадратного метра почти такая же, как в Москве, и возвращаться к прежнему облику – задача почти не разрешимая. Сможем ли мы убедить в этом иркутян. Маргиналы, не маргиналы, они собственники этого дома.

ЕГ На самом деле не только в Москве, но и других городах есть прецеденты, когда стихийное остекление лоджий приводится в порядок на важных местах, на важных магистралях. Я не знаю всю механику, но единая стилистика, остекление вполне возможны. Совсем избавиться от остекления того, что было балконами, а сейчас стало остекленными балконами, сложнее. Но привести в порядок фасад с компетентными консультантами, архитекторами, наверное,

реально. Я, конечно, в основном говорю о Доме-корабле, ну и о Доме на набережной тоже. И, конечно избавиться от самостроев на террасах, на пентхаусах. Это еще и пожаропасно.

АЧ Первый шаг в сохранении наследия нужно сделать юридически. По закону, нет ограничений по заявлениям о постановке на охрану: можно подавать сколько угодно раз; поэтому надо эту работу вести – и все.

1. Нужно составить перечень объектов. Союзу архитекторов нужно создать рабочую экспертную группу по Павлову и на бланке СА оформлять заявку. И отслеживать эти вопросы.

2. Отказ в постановке таких объектов на охрану – это в массовом менталитете: для многих то, о чем мы говорим – не история; это то, что строилось на их глазах, поэтому не заслуживает статуса памятника. Следовательно, нужно менять сознание, популяризировать наследие модернизма. До сих пор в народе сохраняется обыденное негативное отношение к Павлову. В экскурсиях по павловским объектам меня поразило, что их защищала иркутская ассоциация гидов. И мнение резко менялось после разговора со специалистами: приходит понимание их ценности. Пропаганду надо двигать.

Не надо дожидаться признания памятниками. Надо на уровне правительства создать программу поддержания этих объектов, паспортов эксплуатации с правилами ремонта и эксплуатации объектов.

Евгений Зыков Балконы, которые застеклены, в понимании владельцев и горожан – это норма. И эту норму изменить, на мой взгляд, можно только через жесткие резолюции. Мы жили в здании примерно того периода. И там одинаковые двери, подъезды, одинаковые звоночки, одинаковые таблички. Что же жильцы? Все такие культурные? Да нет же. Там жесткий регламент: если ты приделаешь свой звонок, к тебе через два дня придет человек из управляющей компании и скажет: «Вам штраф. Будьте любезны, выкиньте этот звоночек и повесьте другой». Не только в Красноярске, я думаю, этот механизм и такая практика. Паспорта фасадов введены. Не очень эффективно этот механизм работает, но механизм есть, его нужно внедрять на абсолютно любое здание. В первую очередь можно на павловские здания разработать паспорта фасадов. Ни одна табличка не может быть без паспорта фасадов установлена на каком-то месте. Ни один балкон не может быть застеклен. Понятно, что никого не заставишь расстеклить свой балкон, но новый уже не появится.

А если говорить о том, что там что-то восстановить, чтобы крупные инвестиции какие-то олигархи вложили – это история очень непростая.

Константин Антипин Хотел поправить насчет ЖК «Лебедь» и об разцово-перспективного жилого района «Северное Чертаново». Они не являются объектами культурного наследия, а Театр на Таганке является лишь в части корпусов исторических, к которым достраивалось новое модернистское здание. Это, конечно, не умаляет их значения, а как раз явным образом дискредитирует систему охраны памятников, включение в которую их сегодня фактически невозможно.

Что касается модернистских объектов вообще, то где-то полтора года назад мой коллега Вадим Данилов выписывал все, что построено с 1955 по 1991 год, и у него получилось около 90 объектов на всю страну. В последние годы пополнения есть. Случай единичны, но в сумме по России это заметно на фоне мизерной базы. Многие из этих объектов еще не успели попасть в сводные файлы реестров, где их удобно искать.

Важно иметь в виду, что больше трети этих модернистских памятников ставились на охрану еще в советское время, то есть с 1970 по 1991 год. Морской вокзал и ки-

нотеатр «Океан» во Владивостоке, театр в Кызыле, стадион в Красноярске, три санатория, бювет и ДК в Ессентуках, Дом связи и цирк в Кисловодске... Ленинский мемориал в Ульяновске оказался в списке уже спустя четыре года после открытия, в 1970 году. При этом среди поставленных на охрану в советское время зданий 1955–1991 годов тоже около трети составляют те, что имеют не архитектурную, а мемориальную ценность. Например, четырехэтажный дом серии 1–335 в Саранске, в котором жила народная сказительница Ф. И. Беззубова, или здание восьмилетней школы из силикатного кирпича в Архиповке Смоленской области, где работал Герой Советского Союза Н. Б. Борисов. Их облику внимания обычно не уделяют. Как они не выделялись среди подобных зданий в советское время, так и сегодня их постигают те же капремонты, замены окон, утепление.

И все же в последние годы относительно много объектов включается в реестр. Наиболее последовательно эта работа ведется в Санкт-Петербурге. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП) недавно поставил на охрану морской вокзал, а ранее – Театр юного зрителя, монумент защитнику Ленинграда на площади Победы, пятый корпус ЛЭТИ и яхт-клуб на Петровской косе. Успех достигается системной работой Комитета, который сам формирует списки потенциально ценных архитектурных объектов, потом выносит их на обсуждение, а затем поэтапно доводит здания до приятия им статуса объекта культурного наследия.

С одной стороны, срабатывает системность этой работы. С другой – нет системного сопротивления, какое можно наблюдать в Москве, где Департамент охраны культурного наследия не только не занимается чем-то подобным, но и под любыми предлогами отклоняет заявки на выявление, которые сделаны гражданами. В прошлом году мне довелось подавать подготовленную совместно с Вадимом Даниловым заявку на включение в реестр объектов культурного наследия цирка на проспекте Вернадского. До ее рассмотрения по существу дело так и не дошло.

Такая позитивная деятельность КГИОП не отменяет сносов в последние годы в Санкт-Петербурге Дворца молодежи

и СКК «Олимпийский» – двух знаковых объектов эпохи. Снос СКК вызвал особенно бурную реакцию, но предсказать, что станет триггером, невозможно: одни события взрывают повестку, другие остаются незамеченными. В Москве с конца 2010-х снесли более сорока модернистских кинотеатров – пласт наследия почти уничтожен; ликвидирован целый ряд спортивных сооружений ЦСКА на Ленинградском проспекте, павильоны № 12 и № 69 ВДНХ, возведенные по проектам Владимира Кубасова и Игоря Виноградского, а также гигантский спорткомплекс «Олимпийский». Казалось, что так же тихо мы потеряем и цирк на проспекте Вернадского, и здание СЭВ.

В Москве на начало этого года было пять модернистских зданий со статусом объекта культурного наследия: Дворец пионеров на Воробьевых горах, Дворец съездов в Кремле, Монреальский павильон на ВДНХ, Центральный театр кукол и Московский институт электронной техники в Зеленограде. Но этим летом из реестра, насчитывающего более восьмидесяти тысяч объектов, одним решением исключили пятую часть. Более 1700 зданий чисились как выявленные объекты культурного наследия, то есть они обладали признаками объектов культурного наследия, но в их отношении не была проведена полноценная историко-культурная экспертиза, которая бы это подтвердила или опровергла. По закону она должна проводиться в течение 90 дней после «выявления», но во многих регионах, в том числе и в Москве, у местных властей просто нет средств или достаточно-го числа специалистов на проведение этих экспертиз, поэтому такие объекты годами остаются в подвешенном состоянии. В Москве проблемы решили радикальным образом, и теперь Кремлевский Дворец съездов, Дворец пионеров на Ленинских горах и здание Монреального павильона больше не являются объектами культурного наследия, при желании их можно снести.

А спасли ли эти объекты их охранный статус? И да, и нет: с одной стороны, все они до сих пор существуют. С другой, качество реставраций, проводимых в их отношении, зачастую весьма низко, многие подлинные материалы и элементы оказываются утрачены. Поэтому включение в реестр не панацея. При том, что множество объектов достойны этого, еще больше ценных модернистских градоформирующих

и средообразующих комплексов, вероятно, в реестр попасть не могут и не должны. Для них тем важнее технологии и подходы: модернистская среда масштабна, хороших зданий много, и реставраторов на всех не хватит. Нужны системные подходы и универсальные методы, соизмеримые по размаху с теми, что когда-то эту среду формировали.

Пока что на пути к сохранению советской архитектуры 1960–1980-х годов стоит масса препятствий. Например, сейчас проектировщики зачастую вынуждены использовать подсистемы на фасадах. Подобное происходит даже с объектами культурного наследия – например, Ленинским мемориалом в Ульяновске. Сейчас идет фактически его реконструкция, был смонтирован вентфасад. Да, с использованием натурального камня, похожего на оригинал. Но следует понимать, что подсистема увеличивает толщину стен, таким образом искажаются пропорции, что особенно заметно в случае наличия пластики на фасадах.

В случае Ленинского мемориала несовершенство технологии вентфасада, может быть, не столь заметно: здание по большей части представляет собой идеальный параллелепипед. Куда печальнее результаты завершающейся реконструкции Драматического театра архитектора Владимира Сомова в Великом Новгороде. Его фасады с обрамляющими окна округлыми арочными проемами двойкой кривизны были изначально облицованы мелкими плитками мрамора, тонко повторяющими изящные изгибы поверхности, выполненной из монолитного железобетона.

Сейчас поверх нее смонтирована подсистема, которая не позволяет воспроизвести эти формы: вместо живой архитектуры возникает низкополигональная пародия. И это не какой-то региональный казус, когда по незнанию, из-за непонимания ценности здания оно было испорчено. Нет, в самом начале этого процесса местные власти совместно с КБ «Стрелка» проводили большой конкурс на лучшую концепцию, декларируя бережный в отношении авторского замысла подход.

По всей видимости, из-за нормативов и несовершенства современных технологий даже люди, которые искренне ценят архитектуру модернизма, оказываются лишены возможности не только восстановить объект в исходном виде, но и просто оставить некото-

рые подлинные и целые элементы как есть.

Владимир Стегайло Наступает момент, когда хочется что-то решить и получить результат. И я убежден, что надо по нескольким направлениям двигаться. Проблема модернизма и павловской архитектуры – это часть нашей проблемы и нашего города. Город многослойный. Да, у нас есть защита деревянного зодчества, памятников революционных. А конструктивизм вообще никак не охвачен. Сталинская архитектура не охвачена, шестидесятые годы – никак не охвачены. Современная архитектура тоже беззащитна. Да, есть элитные дома, а в принципе все это беззащитно.

Сейчас, даже если разобьем лбы и добьемся, чтобы включать в реестр памятников павловские объекты, это будет максимум один-два дома, три максимум, ничего больше не выживет. Вот поэтому мне то, что предложил Чертилов, очень понравилось. Да, биться надо за внесение в ОКН, но надо заниматься вообще средой и обликом любого дома. Законодательство есть, запреты на изменение фасадов, конструктивных элементов есть. Когда мы занимались домом-кораблем, мы выяснили, что все остекление незаконно – ни одного согласования. Только один сигнал в прокуратуру – и можно раскрутить это дело. Ну, я не буду в деталях рассказывать, у нас ничего там не получилось, потому что люди просто испугались. Когда я им объявил, что если сейчас мы сделаем паспорт, а это все незаконно, то они сразу же все утихли, весь пафос угас.

Если мы хотим модернизмом заниматься, нужен реестр всего модернизма, включая павловский. Действительно, паспорта надо пытаться сделать, паспорта изменений, механизм согласования в городской архитектуре.

Сергей Тимофеев Когда я работал в Болгарии, была такая ситуация. Я сделал эскиз оформления большого помещения. Эскиз был очень примерный – на листах А-4 намечены изображения. И каково было мое удивление, когда после возвращения я увидел точь-в-точь воспроизведенные изображения. И это без всякого авторского надзора! Обидно, что у нас культура строительства, контроля за реализацией и ремонтом не работает.

ЕГ Никита, когда рассказывал про дом Павлова в Купчино, говорил о том, что там все в порядке. Дом элитный, и они эту элитность

соблюдают. Конечно, от уровня культуры многое зависит.

Надо дорожную карту нарисовать, как, какие ветви, общество и так далее. Проблема среды: среда это и фасады тоже, регламенты и все такое. Когда контроля нет, оно все не работает.

Нет структуры, которая контролирует.

Наталья Сапрыкина Сегодня было поднято очень много аспектов, которые можно в дальнейшем оценивать, продумывать. При этом считаю, что у нас существуют не отдельные проблемы в регионах, а общие системные проблемы в профессии, стране. И начинаются они с нашего законодательства, которое порой позволяет трактовать одни и те же положения по-разному. Например, 73-й федеральный закон, которым оперируют эксперты в области историко-культурного наследия, не дает понятия объективных критериев ценностей, которые позволяют установить, состоятелен тот или другой объект или несостоятелен с позиции включения его в реестр памятников. Поэтому, как правило, в рамках заинтересованности инвесторов или властей города, региона сохранять объект или нет, происходит, как правило, последующий сценарий действия. Формируется отказ в выявлении или выдается положительное заключение. При этом можно найти определенных экспертов, которые скажут: «да, объект обладает разными видами ценности». И, в противовес этому мнению, тут же найдутся эксперты, которые скажут: «нет, этот объект не достоин статуса памятника, так как он не обладает признаками историко-культурной ценности».

На примере Ярославля могу проиллюстрировать, как разнотечения и неопределенности объективных критериев ценности оказались на сложности процесса включения архитектурного сооружения в список объектов культурного наследия (ОКН). Сегодня у нас в городе единственный объект модернизма, который удалось поставить на охрану в 2021 году, и этому предшествовало очень много перипетий и противодействий. Речь идет о комплексе Речного вокзала (архитектор Тимофей Петрович Садовский), который был удостоен в 1986 году государственной премии РСФСР, то есть фактически получил статус «лучший образец архитектуры» советского времени, о чем прописано в законе об архитектурной деятельности. Казалось бы, что комплексу ничто

не угрожает, никто этого закона не отменял, но на практике все оказалось по-другому. Речной вокзал – это многокомпонентный комплекс, ансамбль. Когда случились 1990-е годы, часть его (корпус с кассами и залом ожидания) сначала была взята в аренду, а потом уже выкуплена в частную собственность бывшим арендатором, весьма успешным предпринимателем, который решил сразу его модернизировать, несмотря ни на какие статусы и достоинства. Была задумана кардинальная реконструкция, которая меняла облик здания, что негативно влияло на единство комплекса, разваливало его на части, но многие об этом не знали. При этом, когда инвестор выкупал здание (без статуса памятника на тот момент) руководство региона пообещало ему поддержку в этом процессе. Поэтому были затрачены ресурсы, создан проект реконструкции здания, начались работы по демонтажу, разборке частей здания.

Все это вызвало широкий резонанс общественности и специалистов, заставило предпринимать активные действия по спасению выдающейся постройки. Срочно была подана заявка на выявление, проходили пикеты, были опубликованы обращения разных специалистов, в том числе в газете «Хранители наследия». Нас поддержало не только сообщество города Ярославля, нас поддержал и президент Российской академии архитектуры и строительных наук, президент Союза архитекторов Российской Федерации. Мы обратились в Министерство культуры, и в этом отношении все эти письма и мнение сообщества Российской Федерации не позволили замолчать, заболтать этот процесс и отказать во включении в перечень выявленных объектов культурного наследия, что было прецедентом ввиду зависимости решений департамента по охране объектов культурного наследия от мнения вышестоящих инстанций.

Даже то, что мы включили здание во временный список ОКН, еще не была окончательная победа. Владелец оказался очень упрямым и влиятельным человеком. Он не успокоился после того, как этот объект вошел в реестр выявленных объектов, искал поддержки у новых экспертов (и небезуспешно!), несколько раз подавал иски в арбитражные суды, но, к счастью, ему было отказано в аннулировании решения. Это был процесс перман-

ентного стресса, неуспокоенности, ожидания очередного удара.

И это была длинная история, длиной около четырех лет. В 2021 году, когда уже была заказана окончательная экспертиза, вдруг опять не нашлось средств для ее проведения. Потом уже через арбитражный суд эти средства удалось изыскать, хотя были эксперты, готовые сделать ее безвозмездно. Тем не менее все было проведено по всем регламентам, которые устоялись, чтобы не к чему было придраться в последствии. В конечном итоге, только наша коалиция, комплексное противостояние мнению заказчика и постоянная подпитка дополнительными силами заинтересованных, профессионально состоятельных людей позволили нам окончательно отстоять здание. После проведения экспертизы в 2021 году «Северный корпус комплекса речного вокзала» наконец был включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ. Пока, к сожалению, только местного значения, но и данный статус уже не позволяет допустить потери выдающегося произведения архитектуры.

Этот пример показывает, что, если выстраивать какую-то концепцию выявления и сохранения памятников модернизма, в частности, на территории Иркутска, Иркутской области, то надо уже сейчас готовиться и собирать единомышленников в этом процессе, собирать профессиональные кадры, заинтересованных людей, которые будут работать на этот процесс и поддерживать его на всех уровнях. Необходимо активнее собирать материалы и проводить исследования деятельности шестидесятников, популяризировать их творческое наследие, что Вы уже фактически начали делать.

Да, нужно как можно больше людей подтягивать к этому действию, потому что иначе будет очень трудно отстоять идею «капитализации» объектов модернизма, так как отношение к советскому наследию (особенно сравнительно недавнему) у нас пока, мягко говоря, не питететное. Приведу некоторую статистику, чтобы проиллюстрировать это. Например, в городе Ярославле из более чем 800 объектов культурного наследия регионального, федерального, местного статуса только 35 позиций составляют объекты советского периода, включая 1920-е, 1930-е, 1940-е и другие годы. Эти цифры

показывают, насколько сложно нам поставить сегодня на охрану даже более отдаленное по времени от нас наследие, которое снова в фокусе интересов, моды, например, объектов в стиле конструктивизма, постконструктивизма, неоклассицизма. Здесь нужны не просто эмоции: вот посмотрите, здесь красиво и здесь красиво, это достойно или недостойно. В данной ситуации нужны жесткие аргументы и убедительные данные, которые не опровергнешь. Сама писала неоднократно Заявки на выявление объектов, делала обоснования, подкрепленные фактами, объективными данными, но и в этом случае бывают отказы. Поэтому научная подоснова должна лежать в основе всех заявок, причем подкрепленная хорошими публикациями достаточно высокого ранга: со статусом ВАК, Scopus и др., чтобы были профессиональные рецензенты у публикации, на множественное мнение которых можно опираться, ссылаясь при доказательстве состоятельности ценности культурного наследия, чтобы это уже было не спорить.

ЕГ Иркутский модернизм – это не только Павлов; здесь и Шматков, и Колпиков, и многие другие. Мы начинаем не с пустого места: у нас есть карта объектов, опубликовано множество статей в журнале «Проект Байкал». Мы наметили сегодня несколько векторов дальнейшего продвижения. Стоит попробовать обратить внимание на студентов и магистрантов, «зарядить» их на работу с модернистскими объектами.

BC Надо обратить внимание на работу с управляющими компаниями, с ремонтниками, которые иногда обходятся с потенциальными объектами культурного наследия варварски.

AC У меня предложение: создать кооперацию в выполнении курсовых и дипломных работ по советскому наследию. Привлечь красноярских, санкт-петербургских и московских студентов-архитекторов для выполнения учебных работ по Павлову и модернизму.

EG Предлагаю тему для магистерских диссертаций и, одновременно, для Зимнего университета – иркутский модернизм.

Благодарю всех за активное участие и приглашаю к дальнейшему сотрудничеству.